

Г. П. Чинякова

Жизнеописание
иеросхимонаха

Стефана
(Игнатенко)

Галина Чинякова

**Жизнеописание иеросхимонаха
Стефана (Игнатенко)**

Православное издательство "Сатись"

2013

Чинякова Г. П.

Жизнеописание иеросхимонаха Стефана (Игнатенко) /
Г. П. Чинякова — Православное издательство "Сатись", 2013

ISBN 978-5-7868-0100-3

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7)., – сказал Апостол. Эти слова относятся и к иеросхимонаху Стефану (Игнатенко), претерпевшему гонения за веру и ставшему духовным наставником для православных христиан, живших в условиях воинствующего государственного атеизма. Феофилакт, епископ Пятигорский и Черкесский

ISBN 978-5-7868-0100-3

© Чинякова Г. П., 2013
© Православное издательство
"Сатись", 2013

Содержание

Предисловие к третьему исправленному и дополненному изданию	6
Жизнеописание	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Чинякова

Жизнеописание иеросхимонаха Стефана (Игнатенко)

По благословению

епископа Пятигорского и Черкесского ФЕОФИЛАКТА

Совсем недавно закончился XX век. Многие наши соотечественники помнят времена Брежнева, Хрущева, Сталина, но при этом будто какая-то пелена скрывает от нас наше недавнее прошлое. Наше историческое зрение очень серьезно нарушено, об этом свидетельствуют и социологические опросы, и телевизионные ток-шоу, и интернет-дискуссии.

Мы слабо представляем себе подвиг новомучеников и исповедников Церкви Русской, явленный в условиях антирелигиозного государства, когда биографии священников, прихожан и монахов, которым выпало жить в СССР, стали созвучны мученическим актам первых веков христианства.

Оказалось, что исповедничество и мученичество, это не словарные статьи, а то, что напрямую затронуло каждого верующего человека. За веру могли расстрелять, заточить в узилище, сослать, поразить в правах тебя, твоих родных, знакомых.

Конечно, сегодня мы живем в другом государстве, но на глубинном, экзистенциальном уровне, опыт XX века важен для нас и в отсутствие НКВД или Совета по делам Русской Православной Церкви.

“Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их” (Евр. 13, 7)., – сказал Апостол.

Эти слова относятся и к иеросхимонаху Стефану (Игнатенко), претерпевшему гонения за веру и ставшему духовным наставником для православных христиан, живших в условиях воинствующего государственного атеизма.

На могиле отца Стефана всегда горят лампадки, стоят свежие свечи. Паломники читают акафисты, тихо подходят люди, как он и завещал, со своими просьбами, молитвами, горестями и радостями. И это народное почитание хранит из поколения в поколение память о подвиге веры, осознание того, что врата ада никогда не одолеют Церковь Божию.

Благословение Божие да сопутствует читателям жизнеописания иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). Вам предстоит знакомство с истинным подвижником благочестия, всекавказским духовником. И сегодня мы молимся об отце Стефане, а он молится о нас, православных христианах благословенного Кавказа, чтобы мы хранили веру и верность, как это делал он.

Феофилакт, епископ Пятигорский и Черкесский

Предисловие к третьему исправленному и дополненному изданию

Одним из признаков конца времен святые отцы называли оскудение духоносных отцов церкви. «Река русской народной жизни, рождающая святых, текла в заданном направлении, но иногда быстро и плодотворно, иногда медленно, иногда же так тихо, что трудно было установить, течет ли она вперед или вспять»¹.

Еще не вполне осмыслен период существования Русской Православной Церкви в условиях мощного советского государства, подменившего великую Русскую Державу. Река народной жизни, устремленная к Богу, казалось, замерла перед сокрушительным валом безбожия. Но в глубинах ее еще оставалась вера, преданная любовь к Спасителю и стремление к спасению. Эти противостоявшие разрушению православного сознания источники рождали преподобных и мучеников последнего времени, именованных и неименованных. Их деланием было мужественное стояние в правой вере, хранение души от насилия повсеместного отступления от Бога. «Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно», – писал святитель Игнатий (Брянчанинов)². Большинство этих подвижников верности Христу останутся неименованными. Святая Православная Церковь прославила их наравне с известными, чтимыми святыми в чудной Службе всем святым, в земле Русской просиявшим: «О, велицыи сродницы наши, именовании и безыменнии, явлении и неявлении, небеснаго Сиона достигший и славу многу от Бога приимшии, утешение нам, в скорби сущим, испросите, страну нашу падшую возставите и люди расточенныя соберите, от нас, яко дар, песнь благодарения приемлюще»³. Имена некоторых из духоносных праведников нашего времени благодарная память церкви сохранила. Именно к ним, к их сокровенному подвижническому горению перед Лицом Божиим можно отнести слова одного из святых отцов древности: «В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди их знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями»⁴.

В последние годы открывается все больше неизвестных широкому читателю материалов о жизни отцов последнего столетия, прошедших долгий путь от крушения на их глазах Русского царства до создания и укрепления Советского Союза. Много перенесли они скорбей, как внешних, так и внутренних, но не угасили в себе божественного пламени веры и любви к Богу. Они шествовали по пути добродетелей, исполняя заповеди Христовы. Очень немногие из них прославлены явными, зримыми чудотворениями. Большинство прошло царским, средним путем, всемерно прикрывая свои дарования. Однако по смерти Господь соизволяет открыть своих угодников, приподнять пелену смирения, поскольку, «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5, 15). Так пусть светит свет их перед людьми, чтобы все видели их добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного.

К таким нелицемерным служителям Христовым относится светлая личность иеросхимонаха Стефана (Игнатенко) – батюшки Стефания, как ласково звали его в народе.

Иеросхимонах Стефан, в миру – Дмитрий Иванович Игнатенко, в 1908 году поступил послушником во Второ-Афонский Успенский мужской монастырь на горе Бештау, где познакомился с настоятелем, иеросхимонахом Герасимом (Поповым), и избрал его себе в духовные руководители. В 1914 году состоялся постриг Дмитрия в монашеский чин с именем Стефана в честь преподобномученика Стефана Нового. Спустя два года иеродиакон Стефан был рукоположен епископом Владикавказским и Моздокским Антонином во иеромонаха и служил на

подворье монастыря в Пятигорске. Впоследствии строй жизни отца Стефана неизменно следовал монастырскому распорядку: во время пребывания в обители на Бештау был заложен глубокий и прочный фундамент духовной жизни старца.

Часто с гор Абхазии во Второ-Афонский монастырь спускались пустыnnики, многие из которые скрывались в высокогорных областях Абхазии, в глухих уголках Иеху и Цебельды. Отец Стефан, тяготевший к уединению и глубокому молитвенному деланию, отпрашивался у настоятеля и, получив благословение, подолгу жил вместе с отшельниками в горных пустыньках. Окончательно батюшка покинул монастырь на Бештау после праздника святых апостолов Петра и Павла в 1926 году вместе с остальными монахами, когда большевики закрыли обитель. Братия ушли в горы Псху. Старец Стефан всегда оставался верен Православной Церкви и никогда не только сам не уклонялся в обновленчество, но и помогал найти истину другим. В 1930-м году иеромонаха

Стефана арестовали в пустыне близ абхазского села Георгиевское и отправили в Тифлис, где он пробыл до 1937 года. Вернувшись, батюшка остановился во Владикавказе и по благословению архиепископа Антония (Романовского) служил на различных приходах. В 1950 году отец Стефан был награжден наперстным золотым крестом, а спустя три года его по болезни почислили за штат.

В 1956 году знакомые предложили батюшке переселиться из Владикавказа в Кисловодск, где он помогал служить и исповедовать в храме во имя святого великомученика и целителя Пантелеймона. Смиренного, кроткого, тихого старца почитали не только жители Кисловодска, но к нему приезжали и из других городов, – как миряне, так и монашествующие. По его молитвам происходили исцеления от болезней, верующие получали утешения в скорбях. Главное, что отличало духовное направление иеросхимонаха Стефана, – необыкновенная трезвость, верность церковной традиции, сочетавшаяся с великой рассудительностью, со свободой во Христе. Будучи деятелем умной молитвы, обладая многими благодатными дарованиями от Господа, он шел царским путем милосердной любви и рассуждения. Духовное руководство старца никогда не надламывало души пасомых, не было авторитарным, диктаторским. Он благоговейно стоял перед чужой душой и бережно вел ее ко Христу.

Старец Стефан (Игнатенко) отошел в вечную жизнь в 10 часов 25 минут утра 31 января/13 февраля 1973 года, накануне праздника Сретения Господня. Лицо усопшего старца напоминало описания успения древних святых в патериках: это был светлый, словно восковой, прозрачно-прекрасный лик.

Ныне почитание иеросхимонаха Стефана (Игнатенко), исповедника и праведника XX века, все более растет в среде церковного народа. Из самых разных уголков нашего Отечества на его светлую могилу приезжает множество верующих, чьи надежды на утешение по молитве старца не остаются без ответа.

Благодарим Феофилакта, епископа Пятигорского и Черкесского, по благословению и с помощью которого мы выпускаем в свет третье, исправленное и дополненное, издание Жизнеописания всеми любимого и почитаемого Кавказского подвижника.

Галина Чинякова

¹ *Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)*. Проповеди. Т. 1. – М., 1994. С. 175.

² Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). – СПб.: Изд. Л.И. Тузова, 1891, – М., 1992. С. 512.

³ Минея. Май, – М., 1987. С. 344.

⁴ Избранные изречения святых иноков <...>. М., 1992. С. 511.

Жизнеописание

*Жизнь каждого подвижника скрывает за внешним событиями
внутренний мир Богоносца.*

Епископ Игнатий (Брянчанинов)

Иеросхимонах Стефан, в миру – Дмитрий Иванович Игнатенко, родился 25 октября 1886 года в селе Вознесенское Ставропольской губернии, Благодаринского (с 1900 года, б. Новогригорьевского) уезда, Вознесенской волости, в семье терского казака Ивана Давидовича Игнатенко¹. Его предки были выходцами из Лебединского уезда Полтавской губернии, переселенные на Кавказ по указу императрицы Екатерины Второй².

Иван Давидович Игнатенко трагически погиб в горах. Молодая вдова, Надежда, одна осталась воспитывать несколько человек детей, девочек и мальчиков. Жили, в основном, огородом³. Мать Дмитрия Ивановича ненадолго пережила своего супруга и умерла молодой.

Маленький Митя Игнатенко учился в церковно-приходской школе, там и определился выбор его жизненного пути. На склоне лет старец Стефан рассказывал своей духовной дочери: «Учили нас так: сначала вели к утрени, а потом – завтракать, и во время завтрака читали нам жития святых. И запали мне в сердце особенно два жития: житие святого Алексия, Божьего человека, и преподобного Антония Великого. И загорелось сердце любовью к монашеству»⁴. Уже отроком Митя просил мать отпустить его в монастырь, но та не решалась расстаться с сыном⁵.

В 1898 году Дмитрий Игнатенко окончил курс церковноприходской школы и, по всей вероятности, после кончины матери, оставшись двенадцатилетним сиротой, со знакомым благочестивым старцем отправился на Святую Афонскую гору⁶.

Издrevле Афон притягивал к себе русских паломников как место особого покровительства Царицы Небесной, Ее земной жребий. В течение веков Святой Афон был светильником православной веры, хранителем чудных преданий и великих христианских святынь, училищем истинного монашеского молитвенного делания.

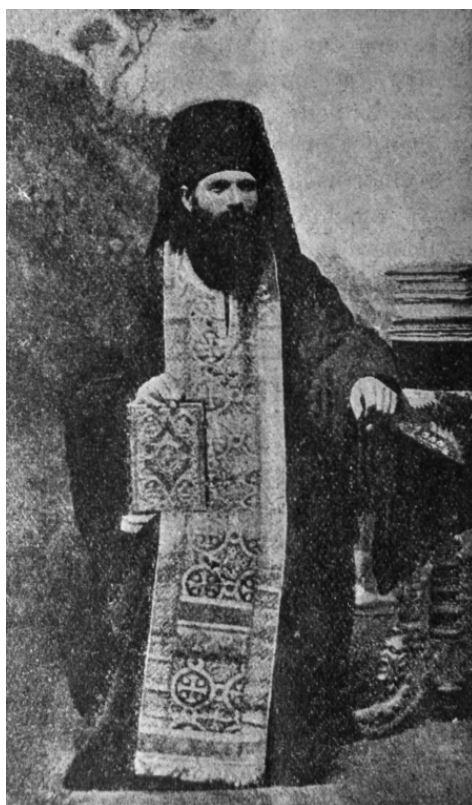
В какой именно обители на Афоне подвизался Дмитрий, не известно. Однако не было суждено юному послушнику остаться на Святой горе. Не выдержав непривычных климатических условий, он тяжело заболел малярийной лихорадкой и спустя восемь месяцев по совету старцев был вынужден вернуться в Россию. Вернувшись домой, отрок занялся крестьянским трудом⁷. Отъезд Мити совпал с началом подготовки основания на Кавказе подворья Иоанно-Богословской келии Хиландарского славяно-сербского монастыря.

Не один год иеросхимонах Герасим (в миру – Глеб Петрович Попов)⁸, настоятель небольших афонских монастырей-келий во имя святого Иоанна Предтечи и святого апостола Иоанна Богослова при Хиландарской обители, обдумывал возможность устроить подворье Афонского монастыря в России. Отец Герасим пришел на Святую гору в возрасте 23 лет, был принят в число братии келии при Хиландаре во имя святого Иоанна Предтечи, настоятелем которой стал в 1886 году, затем в 1896 году по совету старцев взялся за восстановление келии во имя святого апостола Иоанна Богослова.

Чтобы смягчить и ослабить зависимость от греков, обеспечив обители на Святой горе материальную независимость, отец Герасим задумал устроить «житницу» обители в России⁹. Помимо практической необходимости, ему хотелось перенести на родину частицу Святого Афона и устроить на родной земле образ Святой горы.

27 июля 1903 года с согласия афонской братии отец настоятель командировал в Россию опытного иеромонаха Иоанна (Мирошникова) и монаха Сергия с целью подыскать место для подворья. Монах Сергий отправился для поправки здоровья в Пятигорск, а отец Иоанн направился в Санкт-Петербург. Обладая редким тактом и умом, он сумел расположить к себе многих влиятельных лиц и заручиться их поддержкой (впоследствии В.Н. Богданов, помощник управляющего Мариинским дворцом, обер-прокурор В.К. Саблер и другие высшие члены Синода оказывали ему большую помощь в устройстве обители). Пользуясь счастливой возможностью сослужить святому праведному Иоанну Кронштадтскому, иеромонах Иоанн посоветовался с ним и получил не только благословение на устройство обители на Кавказе в память Государя Александра III, Царя-миротворца, но даже прямое указание, в каком именно месте следовало поставить храм. Ктиторм будущего монастыря согласился быть Великий князь Дмитрий Константинович.

В те же дни, проходя курс лечения минеральными водами, монах Сергий присматривался к окрестностям Пятигорска, беседовал с местными жителями и познакомился с Д.П. и Ф.С. Шишковыми, В.В. Хвоцинским, которые позднее много помогли монастырю. Особенно глубокое впечатление на него производила гора Бештау, самая высокая и величественная на территории Кавказских Минеральных Вод. Очертания прекрасного Бештау напоминали отцу Сергию далекую Афонскую гору¹⁰. Встретив приехавшего из Петербурга отца Иоанна, Сергий поделился с ним своими наблюдениями. Для устройства монастыря отцами единодушно была избрана гора Бештау как подобие Афона на Русской земле. Директор Минеральных Вод В.В. Хвоцинский отвел для строительства монастыря земли с условием, что иноки заведут молочное хозяйство для нужд отдыхающих. Ходатайство о выделении земли было удовлетворено и министром земледелия.

Иеросхимонах Герасим (Попов), строитель и первый настоятель Второ-Афонского Успенского монастыря. 1905 год

8 мая 1903 года иеромонах Иоанн и монах Сергей от имени братии Иоанно-Богословской Афонской пустыни подали епископу Владикавказскому и Моздокскому Владимиру, члену Священного Синода, прошение об устройении на горе Бештау обители во имя Успения Пресвятой Богородицы и святого благоверного князя Александра Невского в память Государя Александра III. 21 июля 1904 года монастырь посетил Великий князь Дмитрий Константинович.

После подачи прошения в Священный Синод иеросхимонах Герасим, получив разрешение Священного Синода, в сентябре выехал в Россию в сопровождении двадцати человек братии. Осенью 1904 года закипела работа по строительству келий и церкви¹¹¹². 12 ноября последовал Синодальный указ об утверждении Второ-Афонского Успенского монастыря близ Пятигорска. 28 ноября 1904 года, в день памяти преподобномученика и исповедника Стефана Нового, который пришелся на воскресный день Рождественского поста, состоялось торжественное освящение храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в молодой обители на склоне горы Бештау. Освящение церкви совершил епископ Владикавказский и Моздокский Гedeон. К несчастью, в 1906 году храм сгорел. По просьбе настоятеля отца Герасима Великий князь Дмитрий Константинович, а за ним и Государь Николай Александрович, пожаловали обители деньги на построение нового храма. Спустя четыре года, в 1908 году, на Царской улице в Пятигорске открыли подворье Успенского монастыря с церковно-приходской школой для бедноты и церковью во имя преподобного Серафима Саровского¹³¹⁴. В 1911 году школа за неимением средств была закрыта.

Иеродиакон Савва (Яков Борисович Кухарев) и монах Стефан (Димитрий Иванович Игнатенко). 1915-1920-е годы

В 1908 году Дмитрий Иванович Игнатенко поступил послушником во Второ-Афонский Успенский мужской монастырь, где познакомился с настоятелем, иеросхимонахом Герасимом (Поповым), и избрал его себе в духовные руководители¹⁵. В 1914 году, вероятно, в десятилетнюю годовщину основания обители состоялся постриг Дмитрия в монашеский чин с именем Стефана в честь преподобномученика Стефана Нового.

Богомольцев в монастыре привлекала строгая молитвенная сосредоточенность братии, неукоснительное выполнение древнего афонского устава, истовое служение монахов. Особо отмечались случаи исцеления от болезней в Святой обители. Само живописное местоположение монастыря высоко на горе Бештау, на опушке густого леса между ее отрогами, недалеко от святого источника с хрустальной ледяной водой, настраивало душу на молитвенное созерцание. Щедрая природа, поэзия преданий древности, открытость обители пленяли паломников¹⁶.

Второ-Афонский Успенский мужской монастырь на горе Бештау. 1905 год

Вседневные службы начинались в четыре часа вечера. Гудело монастырское било, призывая на молитву. После девятого часа служили вечерню, затем предлагался ужин. Поужинав, братия собирались на повечерие, слушали каноны Спасителю, Божией Матери и Ангелу Хранителю. Прослушав общее правило, вечерние молитвы, испросив благословение у настоятеля или наместника, отдыхали.

Второ-Афонский Успенский мужской монастырь на горе Бештау. 1905 год

После недолгого отдыха, в половине первого ночи будильщик поднимал монахов на полунощницу, за которой следовали утренняя с первым часом и общие утренние молитвы. После чтения первой кафизмы на утрени предлагалось первое поучение, после шестой песни канона – второе. По окончании девятой песни канона было установлено целование икон. Сразу после чтения первого часа читалось правило для тех, кто готовился ко Святому Причащению¹⁷. Божественная литургия начиналась в семь часов утра. Перед чтением часов служили Акафисты.

Храм во имя Успения Пресвятой Богородицы Второ-Афонского монастыря. 1905 год

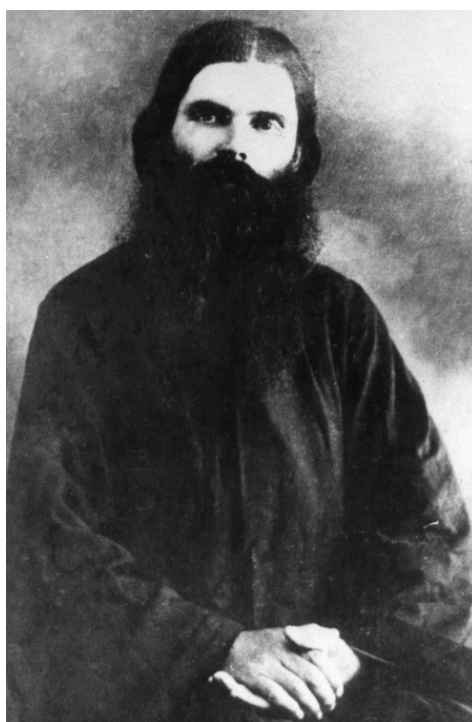
В понедельник – архангелу Михаилу, во вторник – святому Иоанну Крестителю, в среду и субботу – Пресвятой Богородице, в четверг – святому чудотворцу Николаю, в пятницу – Страстям Христовым, в воскресенье – Иисусу Сладчайшему. После пения причастного стиха на литургии народу предлагалось поучение. В воскресные и праздничные дни богослужение имело свои особенности. Во время Первой мировой войны Второ-Афонский Успенский мужской монастырь, как и другие обители, принимал участие в уходе за ранеными, вносил посильную помощь фронту.

Святой источник Второ-Афонского монастыря на горе Бештау

Впоследствии строй жизни отца Стефана неизменно следовал монастырскому распорядку. Во время пребывания в обители на Бештау был заложен глубокий и прочный фундамент духовной жизни старца. Он исполнял самые разнообразные монастырские послушания: шил одежды и облачения, пек просфоры, работал на огородах и виноградниках, совершал чередные церковные богослужения.

В 1916 году иеродиакон Стефан был рукоположен епископом Владикавказским и Моздокским Антонином (Грановским) во иеромонаха и служил на подворье монастыря в Пятигорске¹⁸ (с 1913 по 1917 год Владикавказской и Моздокской епархией управлял печально известный впоследствии епископ Антонин (Грановский)¹⁹, чье духовное влияние на епархию принесло в недалеком будущем горькие плоды). Страну лихорадило, общий беспорядок наложил свою печать и на церковную жизнь²⁰. Вся Россия замутилась в чудовищном водовороте 1917 года. Большевики заняли Пятигорск и буквально утопили город в крови. Горцы устраивали погромы в русских селениях. У родных отца Стефана в станице Баксан, куда он время от времени приезжал отдохнуть, и где для него всегда была приготовлена отдельная комната, отобрали полдома. Евгения Павловна, двоюродная сестра батюшки, в те годы – веселая семилетняя девчушка, вспоминала, что брат умел делать абсолютно все: ее отцу он шил одежду, для маленькой Жени плел четки. Малышка радовалась им по-детски и носила на шее, как бусы²¹.

Иеромонах Стефан (Игнатенко). 1916-20-е годы

На Кавказ приехали изгнанные в 1913 году со Святого Афона взбунтовавшиеся монахи-имябожники²². Много имябожников осело в горах Псху. Монашествующие, арестованные в пустыне близ села Георгиевское в 1930 году, считали имябожников раскольниками. Ослепленные страстью, невежеством и ревностью не по разуму, имябожники вели себя агрессивно по отношению к православному монашеству. Много пришлось потерпеть от них и иеромонаху Стефану²³. Немногие из них, покаявшись, вернулись в лоно церкви. Одним из этих немногих оказался чтимый старец, ныне канонизированный схиигумен Кукша (Величко)²⁴.

На скорбном эпизоде в истории Русской Православной Церкви, так называемой «афонской смуте 1912/13 года», следует остановиться подробнее.

Начало смуте на Святой горе положил выход в свет книги «На горах Кавказа». Ее автор, схимонах Иларион, происходил из лиц духовного звания Вятской губернии. Более двадцати лет он пробыл на Афоне, состоя в числе братии скита «Новая Фиваида» при русском Пантелеимоновском монастыре, отстоящем от обители на расстоянии четырех часов пути на лодке

по морю. Вскоре после образования Ново-Афонского монастыря близ Сухума духовник Илариона, старец Дисидерий, вместе со своим учеником переселился с Афона на Кавказ. Однако, тяготясь жизнью в общежительной обители, старец с Иларионом удалился в горы ради большего уединения и безмолвия. Беседы с духовным отцом схимонах Иларион старался записывать. После смерти старца Дисидерия отец Иларион ушел еще глубже в горы, избрав для жительства уголок Теберды на реке Гуначхир. Используя записи бесед с духовником, свой собственный молитвенный опыт, вместе с послушником, Ефимом Ивановичем Мирошниковым, схимонах Иларион составил книгу об Иисусовой молитве под названием «На горах Кавказа»²⁵, которая впервые была напечатана в 1907 году²⁶.

В 1899 году на Мархотском хребте Кавказских гор между Анапой и Новороссийском, в местечке Темные буки старец Иларион основал Покровскую женскую общину, в 1904 году преобразованную в монастырь²⁷. «Отец Иларион не имел богословского образования, но был истинным аскетом, кротким, пребывающим в непрестанной молитве. Увы! не внял он предостережению святых отцов о том, что «богословствовать так же опасно, как плавать в верхней одежде»... В силу каких-то внутренних, одному Богу известных причин, отца Илариона заинтересовал вопрос о природе имени Божия. Этот тонкий и таинственный вопрос отец Иларион решал один, поверив своему личному опыту. И тут опять встает во всей своей непреложной силе духовный закон: «Видел ты падшего? – Знай, он поверил себе». Постепенно этот вопрос совершенно поглотил старца. И, к великому прискорбию, отец Иларион стал учить о имени Господа не в согласии с учением Церкви: он начал утверждать, что «Имя Божие есть Сам Бог», как бы ввел четвертую ипостась – Имя»²⁸.

В 1907 году книга «На горах Кавказа» попала на Старый Афон, спровоцировав там многолетнюю ожесточенную смуту, что дало повод для изгнания со Святой горы сотен русских монахов и обострило и без того сложные взаимоотношения с греками. Апологетом имябожия стал бывший лихой гусар, лично знакомый Государю Императору, иеросхимонах Антоний (Булатович). Имябожники исповедовали, что «Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа <...> есть Сам Бог»²⁹. В 1913 году имябожие было осуждено как ересь вселенским патриархом Германом V, и в том же году признано сектантством Священным Синодом Русской Православной Церкви³⁰.

Сам схимонах Иларион отказался принять решение Священного Синода и в 1915 году писал в своем Исповедании веры: «Исповедую, что Имя Иисус есть Сам Бог <...>»³¹. В Теберде он жил недалеко от Сентинского женского монастыря и имел сильное влияние на некоторых монахинь обители, а также на монахов близлежащего Александро-Афонского Зеленчукского монастыря. В келье у него хранилась дароносица с запасными Святыми дарами. Поскольку в церковь он не ходил, то причащался келейно. Схимонаха Илариона обвиняли в том, что он, будучи простым иноком, дерзал в келье у себя причащать своих учениц из Сентинской обители, а также своих последовательниц в последний год своей жизни в урочище Темные буки. В 1916 году Иларион умер под церковным запрещением и был погребен в «Темных буках». На месте его погребения почитательницы выстроили часовню, где совершались богослужения³².

Старец Стефан (Игнатенко), неуклонно руководствовавшийся чистым учением святых отцов, не мог принять самочинное учение имябожников и не позволял своим духовным чадам читать творение схимонаха Илариона³³.

Часто с гор Абхазии во Второ-Афонский монастырь спускались пустынники. Тяготясь многопопечительностью общежительных монастырей, необходимостью частого соприкосновения с мирскими людьми и даже друг с другом, они предпочитали уединенную молитвенную жизнь в тишине горной пустыни. Многие из них скрывались в глухих уголках Иеху и Цебельды, в высокогорных областях Абхазии³⁴. Поистине пустыней были суровые, дикие,

труднодоступные места в горах. Подвижников подстерегали серьезные опасности: зияющие пропасти, обвалы, неожиданные осыпи, болезни, угроза нападений диких зверей, укусы ядовитых змей. Особенно тоскливо переносилось одиночество в состоянии беспомощности. Самым трудным было лишение возможности часто очищать совесть на исповеди и приобщаться Святым Христовым Тайн. Зато велика, по-настоящему пламенна была их вера в Промысл Божий, детски-открыто и доверчиво сердце, живо и дерзновенно их молчаливое молитвенное предстояние перед Творцом. Один Господь знал Своих сокровенных рабов. Правда, в горах Кавказа трудно было найти такое пустынное место, куда бы никто не заходил. Пастухи умудрялись забредать в самые высокие и, казалось бы, недоступные для них места³⁵. Пустынники приходили в монастырь, чтобы исповедоваться, причаститься, найти что-либо необходимое для своего немудреного быта.

Их простые, неторопливые рассказы увлекали батюшку Стефана. Его душа тяготела к глубокому уединению и молитвенной тишине. Он отпрашивался у настоятеля и, получив благословение, подолгу жил вместе с отшельниками в горных пустыньках³⁶. Отцу Стефану была близка их молчаливая, плавная, молитвенная жизнь, их спокойное горение к Богу. Более всего покоряла их простота, которая невольно передавалась собеседнику.

Горы настраивают струны человеческого сердца особенно восприимчиво к благоговейному и живому ощущению Божия присутствия. Воздух легкий, свежий, прозрачно-сияющий. Необычная, певучая тишина растворена радостью и светом. Кажется, что само тело теряет тяжесть и готово парить. Чудный вид открывается иногда с вершины: далеко в голубом мареве горит белоснежная горная цепь, оттеняемая кружевом изумрудных, лазоревых, дымчато-фиолетовых лесов. Каменные громады то вспыхивают на солнце, как сахарные головы, то печально сереют, то хмурой ржавчиной напоминают о бренности нашей жизни. Деревья, сбегаящие вниз, в глубокую пропасть, по крутому склону, создают естественную раму для горного пейзажа. Поднимаешь глаза – в небе едва заметна темная точка: там молчаливо и одиноко царит орел. Сердце невольно сжимается, захваченное трепетной благодарностью Богу, изумлением перед величественной красотой Его творения: «Благослови, душе моя, Господа, вся премудростию сотворил еси <...>»

Архимандрит Арсений (Корди) в начале своего монашеского пути жил в одной из горных пустынь и передавал свои впечатления от пустынножития старшему другу, Александре Саввишне Мамонтовой: «<...> Здешные места очень глухие. Сюда никто не заходит. Вдалеке от селения, высоко в горах, окруженные пропастями и полупропастями мы живем на высоте больше версты, окруженные высокими горами, вершины которых покрыты снегом и ледниками. Кругом лес со множеством разных диких зверей: медведей, волков, кабанов и многих других. Лес мертвенный, и деревья бывают до пяти аршин толщиной. Среди леса, на небольшой полянке, стоит наша келья. Она небольшая, с маленькими окошками, с низенькой дверью. Тут же растут несколько груш и других фруктовых деревьев. (Остатки черкесских садов). Возле кельи вскопан огород. Невдалеке из-под горы течет источник. Образ жизни монашеский <...> Здесь находишься, как на краю света; эти горы кругом как бы укрывают от мира, и мир понемножку забывается <...>» (14.01.26)

«<...> Такую жизнь невозможно променять ни на какие удобства, которыми можно пользоваться, живя в миру. Правда, здесь довольно суровый образ жизни и бедно. Очень убогая обстановка. Людей никого не видишь, тишина, жизнь идет ровно, без суеты. Довольно много приходится работать, так как приходится делать все совершенно самому. Бываешь сапожником, портным, плотником, поваром и т.д. Если бы другие знали, что за жизнь в пустыне, то гораздо больше бы было здесь монахов <...> По вечерам воют волки, которых здесь очень много, и они бегают стаями. На днях днем один волк пробежал мимо моей келии, так что я его в окно видал. Вечером же они где-нибудь около огорода воют, и ихние песни очень ясно бывает слышно, когда сидишь в келии. Сначала бывало жутко, но теперь по привычке, так

же, как и к медведям, которые около келий осенью по вечерам ходили собирать каштаны и груши» (02.01.27)³⁷.

Сохранилось удивительное свидетельство Анатолия Павловича Тимофиевича о посещении тайной горной церковки, устроенной монахами Ново-Афонского монастыря: «Я внимательно посмотрел вдаль и только теперь заметил тонкую струйку дыма, как бы выходящую прямо из скалы. <...> Представьте себе огромную скалу, от которой оторвалась глыба с хороший дом, оторвалась таким образом, что между нею и скалой образовался как бы узенький, но длинный проход-теснина. Сверху, спереди и сзади она была тщательно заложена бревнами, забита досками с уплотнением прослойками мха. Получилась довольно большая и своеобразная постройка – с крышей, двумя боковыми каменными стенами.

Небольшая дверь вела внутрь, и когда мы вошли через нее, я совсем растерялся. Мы очутились в самой настоящей, хотя и крошечной, церковке. Шла вечерняя служба. Мягко струился кадильный дым. Миниатюрный иконостас, окрашенный в темный цвет под дуб, и такого же цвета Царские врата были сделаны хотя и просто, но со вкусом. Скромные образа убраны вышитыми полотенцами, теплилось несколько лампад. Из алтаря доносился глуховатый голос служащего иерея, ему вторили на клиросе трое пожилых монахов. <...>³⁸.

Отец Стефан рассказывал своей духовной дочери об одном примечательном эпизоде из своей жизни в пустыни. Однажды, во время совместной работы братии, духовник пустыньки пошатнулся и упал. Встревоженные монахи испуганно окружили его. Боясь потерять духовного отца, все горячо молились. После глубокого обморока старец очнулся, глаза его были полны слез. Он сказал, что вскоре умрет, а братию разгонят по тюрьмам: «Чада, вам не придется доживать в пустыне, будете доживать в городах, пустыни не будет». Вспомнив об этом случае, отец Стефан заметил: «Вот, сбылось. Как видите, мы живем в городах и доживаем, как он предсказал нам». Вера Николаевна, недоумевая, спросила, неужели больше совсем не будет жизни в пустынях. Помолчав, батюшка ответил: «Жизнь очень тяжелая в пустыне, она почти упразднится. Но те, кто будет исполнять свое правило ежедневно, несмотря на мирскую суету, будут пред Господом, как пустынножители, где бы ни жили. Истинные ревнители по Боге скроют себя среди мира»³⁹.

Пробыв в горах несколько месяцев, с умиротворенной, тихой душой отец Стефан возвращался во Второ-Афонский монастырь, подготовившись к темным и скорбным вихрям, сокрушавшим как светскую, так и церковную жизнь.

Движение за так называемое обновление, оживление церковной жизни и церковного устава началось еще до революции⁴⁰. Церковные революционеры пытались сломать веками возмужавшую красоту величавого православного богослужения, прекрасную строгость церковных установлений, лукаво оправдывая свои кощунственные попытки заботой о немощи современного человека. Наиболее враждебно они были настроены против хранителя церковных уставов – монашества. Святитель Игнатий (Брянчанинов) объяснял особую вражду к монашеству его крепким стоянием за веру⁴¹. Уже в 1917 году статьи церковных реформаторов заполнили страницы владикавказской периодической печати. Руководство епископа Антонина (Грановского) принесло свои плоды. В начале 1920-х годов епархию захлестнула волна обновленчества. Единственным твердым оплотом православия в окрестностях Кавказских Минеральных Вод, неколебимо державшим светильник истинной веры, оставался Второ-Афонский Успенский монастырь на Бештау.

К началу 1920-х годов относится знакомство с отцом Стефаном его духовной дочери, монахини Сергии (в миру – Татьяны Ивановны Клименко). 15 июня 1923 года она впервые попала в обитель. Это было время торжества обновленчества, и православные, которых называли тихоновцами, не имели благословения от патриарха Тихона посещать обновленческие службы. «Православное же духовенство было почти все по тюрьмам, ссылкам и в вечной

жизни. Не ходить в церковь было очень тяжело <...>». В то время Татьяна Ивановна жила в Кисловодске, где не было ни одной православной церкви. «Чисто православный монастырь был на горе Бештау, в десяти километрах от Пятигорска <...>. Вокруг разливалось море обновления. Только Успенская обитель твердо и высоко держала знамя православия». Во время их первой встречи отцу Стефану было 48 (38 – авт.) лет, и по мудрости он всех превосходил. Настоятель, отец Иоанн (Мирошников – авт.), в это время оставил монастырь и организовал на побережье за Туапсе в Канаштапской долине девичью обитель. Отец Стефан замещал настоятеля, одновременно исполняя послушание просфорника. «На Бештау мы пришли втроем из Кисловодска, – писала матушка Сергия, – Маруся Склярова, Надя Чага, дочь крупного толстовца, и я <...> Отец Стефан в это время пек просфоры. Ему передали письмо, которое мы принесли от его послушника, где говорилось о нас. Отец Стефан оставил свою работу и вышел к нам в скромном монашеском одеянии. В письме была просьба отслужить панихиду, и, хотя служба кончилась, отец Паламон (будущий схиигумен Пафнутий – авт.) повернул назад и снова отслужил панихиду. Потом нас угостили чаем, и мы положили на стол свое приношение. Беседа затянулась дотемна, батюшка благословил нас говеть. Для Нади это было первое говение <...> После беседы отец Стефан со слезами надел на них (подруг Татьяна Ивановны – авт.) кресты, потом исповедал нас <...> У отца Стефана, несмотря на его малое образование, был удивительный дар рассуждения. В те годы, первые два десятилетия нашего века, Кавказ был наводнен множеством вольнодумной интеллигенции: тут были и сектанты, и толстовцы, и теософы, и просто ищущие истину, потерявшие ее, разорвав связь с Православной Церковью. И вот эти «совопросники мира сего», некоторые из которых учились в Сорбонне, знавшие по пять языков, склоняли головы перед простым, неученым монахом, оставляя у ног его все свои мудрования».

Одним из них был Даниил Маркович Кохно, убежденный толстовец. Однажды Великим Постом он вошел в Пантелеимоновскую церковь во время пения Символа веры, упал на колени и покался. Оказалось, что в ту ночь во сне он увидел себя стоящим на паперти храма. Господь Иисус Христос едва придерживал его за руку и готов был выпустить ее. Проснувшись, Кохно осознал свой грех отступления от Церкви, покался, выдержал епитимью, наложенную на него отцом Стефаном, и вернулся в лоно Святой Церкви. Не однажды Даниил Маркович выступал против обновленчества.

Родственница монахини Сергии, в будущем – монахиня Серафима, рассказывала ей о своем обращении. «Надо сказать, что она обладала исключительным умом, окончила какие-то философские курсы и до того замудрилась, что стала сама, собрав кружок, систематически толковать Послания апостола Павла только на основе собственного восприятия! Мы насилу уговорили ее пойти к отцу Стефану, когда он приехал к нам в Кисловодск. Пошла она в полном сознании своей «ценности» и права толковать Священное Писание. «И вот, – говорит, – только я услышала его «благоуветливые словеса», как с меня ощутимо, прямо физически стала ползать какая-то чешуя, я затрепетала и в ужасе, во всю глубину и широту осознала ложь моего пути».

Татьяна Ивановна тоже пришла к отцу Стефану не как-нибудь, а с «подвигами». За год до этого ей попались в руки книги «Невидимая брань» Никодима Святогорца и «Письма о духовной жизни» епископа Феофана Затворника. Эти книги принесли ей существенную пользу, но по горячности нрава и неразумию девушка начала круто: пошла на подворье Пензенского монастыря в Кисловодске к монашенкам за четками. «Ну, конечно, они не дали. Я не растерялась, купила крупной фасоли, навязала себе из них четки с метр – и давай подвизаться. Вставала ночью, читала Страстные Евангелия, запостилась и т.д. Конечно, при первой беседе все подвиги пошли прахом, и фаселевые четки были отобраны. У меня было ощущение, что отец Стефан поставил меня на рельсы, надел на меня нужную, по моим размерам, рабочую одежду.

<...> Главное, что мне сказал батюшка: «Вам подобает читать православных отцов, особенно преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова)». <...>

«На ночь нас разместили на полу в келии, и мы до четырех утра отдыхали. В четыре часа был подъем и полунощница. Меня все поражало, вызывало благоговение. После обедни мы выстояли все требы по чрезмерному усердию, потом нас напоили чаем, и мы сговорились с отцом Стефаном приходить к нему <...> Мы летели на крыльях! На горизонте расстилалась розовая от заката Кавказская цепь. Я ощущала такую легкость, такое чувство истинного обновления, что не чувствовала никакой усталости. <...> На прощанье отец Стефан оделил нас всех просфорками и благословил в случае духовной нужды прийти опять. С этих пор я начала, чаще одна, а то и в компании, паломничать на Бештау, а иногда бывало и такое счастье, что отец Стефан приезжал к кому-нибудь из нас. Мы сообщали друг другу и собирались на целый день вместе. Иногда он приходил в Пятигорск или Минеральные Воды, и мы ехали туда. Мы приезжали с целыми листами вопросов, мама жалела батюшку и говорила, что мы его замучили, но он был невозмутим»⁴².

Прихожане Кисловодска. 1920-1930-е ?

Вторая слева – монахиня Сергия (Татьяна Ивановна Клименко)

«Престольный праздник Успения Божией Матери в монастыре праздновался особенно торжественно. К этому дню из окрестных городов в обитель стекались паломники, пешком шедшие с крестными ходами. Паломники заранее предупреждали настоятеля о своем прибытии. Настоятель благословлял и встречал каждый крестный ход с поднятыми хоругвями, пением, колокольным звоном. Затем народ размещали и готовились к службе⁴³. Отец Стефан при большом количестве богомольцев не отходил от аналоя и исповедовал с вечера до утра. К утру он был совсем прозрачный, здоровье у него было слабое. Хотя отец Стефан страдал язвой желудка, он строго соблюдал посты и вкушал вообще очень мало. <...> Перед Успением 1923 года донесся слух, что женатый двадцатипятилетний обновленческий «архиерей» собрался с крестным ходом на Бештау. Монахи были очень взволнованы и решили подготовиться к уходу в случае победы обновленцев. В это время в монастыре был настоятелем уже отец Дорофей, тоже староафонский. Он подошел к Даниилу Марковичу Кохно и сказал ему: «Помогите нам – мы не речисты!» И Даниил Маркович обещал, с помощью Божией, исполнить просимое. Все очень волновались. Подошел канун Успения. К настоятелю, авве Дорофею, пришли обновленческие посланцы с просьбой «принять их святость». Настоятель согласился и благословил звон. «И вот, мы увидели, как снизу в гору поднимался обновленческий крестный ход во главе со стриженным, бритым «архиереем». Из монастыря, в благоговейном молчании, неся с собою хоругви и иконы, шел навстречу наш православный крестный ход во главе с настоятелем, мона-

хами и Даниилом Марковичем. Отца Стефана в толпе не было. Он стоял, прижавшись к монастырским воротам, у ног его был маленький чемоданчик». Все ближе, ближе сходились крестные ходы и, наконец, остановились, склонив хоругви. На стороне обновленцев было много дам, вплотную окруживших своего «архиерея». А с православной стороны – монахи и станичные казаки и казачки. Подойдя почти вплотную, обновленческий «архиерей» Александр Шубин упал на колени и с театральными жестами воскликнул: «О, святая обитель! Дай мне облобызать твои святыни!» В ответ на это Даниил Маркович, по благословению настоятеля, ответил ему: «Гражданин Шубин! Лобзанием ли предаешь Церковь Православную?!» – и, вынув обновленческий журнал, начал читать оттуда критику и насмешки над православием. Мы наблюдали, как со стороны обновленцев к монахам переходили пришедшие. Шубин, разъяренный, вскочил с колен со словами: «Ну, Кохно, это тебе даром не пройдет!» Увидев, что все симпатии богомольцев на стороне православных, повернул назад. За обновленческим «архиереем» пошло всего несколько дам, а остальные с пением псалмов, сияющие, вернулись в монастырь.

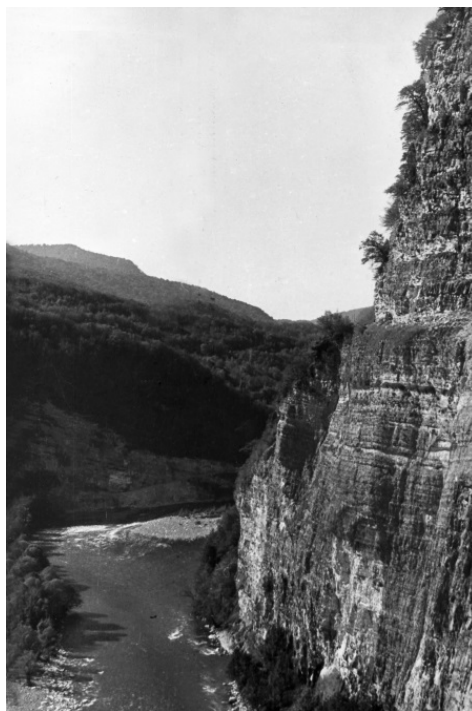
Всенощную служили на воздухе, потому что поместить народ в церкви не было возможности. Монахи разделили богомольцев на два хора и, пока не засияло солнце, все до утра отпевали Плащаницу Богоматери, вынесенную под открытое звездное небо. Казаки носили камни на вершину Бештау, монахи складывали из них престол и позднюю обедню служили там, наверху <...> С этого времени, несмотря на аресты, православные подняли головы, а обновленческие церкви опустели⁴⁴. Перед закрытием монастыря на Бештау приезжал известный обновленец, Александр Введенский, но настоятель его не принял⁴⁵. Даниил Маркович Кохно был арестован одновременно с отцом Иоанном Мешалкиным, тогда еще диаконом, и сослан на вольную ссылку в Самарканд. Настоятеля кладбищенской церкви Кисловодска, отца Иоанна Прокоповича, отправили на вольную высылку в Ашхабад⁴⁶. Перед закрытием монастыря большевики жестоко изувечили и убили отца Дорофея, одев ему на голову обруч раскаленного на костре таганка (железная подставка для котлов)⁴⁷.

«Вскоре отец Стефан приехал в Кисловодск для освящения кладбищенской церкви. Как мы его ждали! Всю ночь не спали, сидели на балконе, пели молитвы. И от одной мысли, что мы сегодня будем молиться в нашем православном храме, сердца наши бились от счастья. С каким благоговением, вдумчиво освящал отец Стефан храм! Это было «небо на земле»! Теперь вместо арестованного настоятеля кладбищенской церкви отца Иоанна богослужение совершал иеромонах Михаил, присланный из Успенского монастыря», – вспоминала мать Сергея Клименко⁴⁸.

Интересный и поучительный эпизод связан с монахиней Сергией. В декабре 1923 – январе 1924 года она тяжело болела воспалением легких. Свыше недели держалась высокая, около сорока градусов, температура. Жар истощал организм. На восьмой день болезни девушка в полном сознании пережила редкое духовное событие. Ей явился отец Стефан и провел по мытарствам, последовательно указывая на гнездившиеся в ней страсти. В ужасе видела Татьяна Ивановна, что грех настолько овладел ее душой, что при каждой встрече со злобной силой ей нечем было оправдаться. Казалось, спасения от демонов не было, душа справедливо была обречена на гибель, на вечные мучения. Но молитва духовного отца помогала. «Не умерла, еще может покаяться», – отвечал отец Стефан истязателям. Глубокое, слезное раскаяние охватило все ее существо. После этого видения в болезни наступил перелом, и Татьяна Ивановна пошла на поправку⁴⁹.

В 1925 году, когда архиепископ Иннокентий (Ястребов) жил в Кисловодске, батюшка Стефан бывал у него. Если владыка хорошо себя чувствовал, то сам ездил на Бештау. В 1925-1926 годах иеромонах Стефан в поисках уединения оставил обитель и ушел в горы со своим первым келейником Серафимом, который был особенно близок ему по духу. Впоследствии им пришлось расстаться⁵⁰. Отцы поездом доехали до Новороссийска, затем пароходом

до Адлера, откуда по долине горной реки Кодор ушли в глубокую пустыню Цебельды. Там они устроили себе небольшие кельи и жили настоящей отшельнической жизнью⁵¹. В 1925 году старца посещал в горах его духовный сын Сергей Петрович Ситиков, в монашестве Сергей. Сергей Петрович познакомился с отцом Стефаном еще в студенческие годы в горах Кавказа и впервые ощутил близость Живого Бога благодаря общению с ним. Будучи делателем Иисусовой молитвы, он впоследствии написал книгу «Забытый путь истинного богопознания» о внутреннем монашеском молитвенном делании, получившую широкое распространение в Самиздате⁵².

Цебельда. Утес над рекой Кодор

Окончательно батюшка покинул монастырь на Бештау после праздника святых апостолов Петра и Павла в 1926 году вместе с остальными монахами, когда большевики закрыли обитель⁵³. Братия ушли в горы. Место для жилья вначале выбрали в глухом лесу высоко в горах Псху. Рядом с ними пролегал глубокий овраг, по дну которого бежал ручей. За водой спускались вниз по веревке, развели небольшой огородик, посадили овощи, кукурузу. Зерна кукурузы мололи между двух камней и потом пекли из муки лепешки на костре⁵⁴. Климат на Псху благодатный, мягкий.

Цебельда. Река Кодор

Река Кодор

Долина Псху

В лесу растут груши и орехи, которые составляют лакомство не только для людей, но и медведей, частых гостей пустынников. Пустынь на Псху славилась строгостью жизни монахов и называлась «Глубокая»⁵⁵. За съестными припасами ходили в Сухум. Шли туда двое суток,

поэтому ночевать приходилось в лесу. Старец рассказывал отцу Матфею: «Идем, идем, и настанет пора устраиваться на ночлег. Мы выберем где-нибудь грушу постарше, побольше, потому что под ней всегда много листвы. Мы листву поближе к стволу подгребем – мягко. Устроимся так и спим. Ночью разбудит шелест – что такое? А это мишка слезает с груши». Огороды, где росло все самое простое – капуста, кукуруза, пустынные огораживали нехитрой изгородью из жердей от кабанов, туров. Но мишкам – что эти жерди? Часто навещали они огороды. Заберется мишка, наломает кукурузы и несет, как дрова. Что ему сделаешь? Отцы жили с ними мирно, звери не нападали.

Святая гора Адагуа

Любили монахи смотреть с вершины горы на Черное море. Ради этой дивной красоты целый день могли карабкаться на самый верх, где ничто не мешает взгляду. Забирались и подолгу любовались раскинувшейся внизу морской далью. «Чудны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси...». В свободное время занимались рукоделием: из лозы плели изящные, красивые корзины, переплетали книги. Переплеты были простые, скромные, монашеские. Книг было немного: так, при аресте у иеромонаха Стефана изъяли 17 книг религиозного характера», как было отмечено в Акте об изъятии⁵⁶.

Схиархимандрит Пимен (Иван Петрович Гавриленко)

Жило на Псху около пятисот пустынников. Монахам удавалось поддерживать монастырский распорядок, богослужебный строй. Жили они плотно: убогие келейки, хижинки недалеко отстояли одна от другой. У каждого был свой огородик, садик. У отца Стефана огород, занимавший площадь около 12 соток земли, был засажен «картофелем и луком, бураком и чесноком»⁵⁷. Ежедневно собирались на утреннее и вечернее правило, на литургиях бывали неопустительно⁵⁸. В скромном монашеском поселении стояла небольшая церковь, к которой с разных сторон от келий вели протоптанные дорожки. Духовником братии был отец Пимен (Гавриленко) (в будущем – схиархимандрит Пимен, духовник и старец Псково-Печерского монастыря – авт). В 1920-х годах отец Пимен подвизался в горах, и иеромонах Стефан исповедовался у него⁵⁹. Впоследствии отец Пимен, кроткий, гостеприимный, благодатный старец, много рассказывал глинскому иеромонаху Павлину (будущему схиархимандриту Гурию) о своей жизни в горных пустынях.

Обычно монахи жили по два-три человека в келье. Держали по два-три улья для собственных скромных нужд и для угощения посетителей. Особенно им досаждали жившие по соседству греки и сваны, легко готовые оскорбить, ограбить, избить.

Вместе со старцем Пименом в 1920-е годы в горных пустынях близ Сухума жили отец Херувим, друг батюшки Стефана, будущий митрополит-старец Зиновий (Мажуга). Иеромонах Зиновий (Мажуга) в течение трех лет был служащим священником в храме села Георгиевское. Однажды, слушая рассказ монахини Андроники о знакомстве с иеромонахом Стефаном (Игнатенко), владыка Зиновий назвал его «наш Димитрий»⁶⁰. В 1926 году на Псху в восьми храмах служило двенадцать священников. Умерший в 1991-м году 99 лет от роду двоюродный брат владыки Иоанна (Шаховского) Константин Сергеевич Родионов был свидетелем многочисленных случаев обновления икон при закрытии в конце 1920-х годов замечательного скита Ново-Афонского монастыря в местечке Псху, куда доньше можно добраться только на вертолете⁶¹.

Изредка отец Стефан находил возможность навещать своих духовных чад в Минеральных Водах. Зимой они с послушником проводили в живописных горах Псху. Летом спускались в более жилые места. Доступ к отцам был очень труден: вершины гор осенью обледеневали, и до самого лета спуск становился невозможным. Снег, выпадая, покрывал землю на два-три метра. В последние годы своей жизни старец вспоминал, что пустынники под покровом благодати Божией умудрялись без страха ходить по таким отвесным кручам, где нога едва находила себе опору, а с гор летели громовые снежные лавины. Батюшка говорил, что даже по прошествии десятков лет он без внутреннего содрогания не мог вспоминать жуткие горные ущелья и пропасти. «В горы не нужно уходить, живите в городах. Мы жили в горах, но пережили такие страшные трудности, что по сю пору отойти не можем», – говорил он своему внучатому племяннику⁶². При слабом здоровье, больном желудке отец Стефан окончательно надорвался физически в пустыне, следствием чего была громадная грыжа, от которой он мучительно страдал до конца жизни.

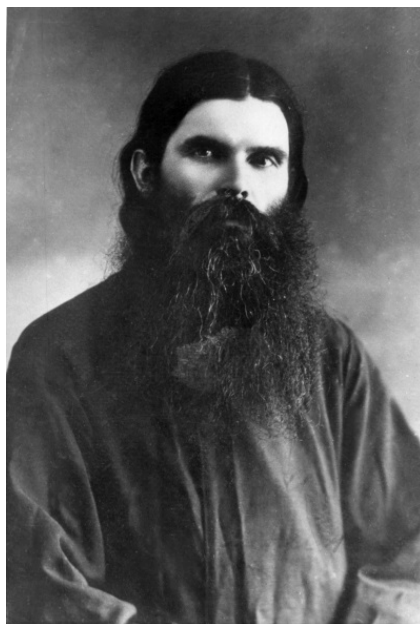
Живя в горах, батюшка встретился со своим вторым келейником, Симеоном Иудовичем Кищенко (в постриге – схимонахом Серафимом). С юности у Симеона было сильное стремление к монашеству. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, крестная взялась отвезти юношу в Успенский монастырь на Бештау к известному своей рассудительностью и духовной опытностью иеромонаху Стефану. Пока добрались, обитель закрыли, а насельники ушли в горы. Расспросив, они отправились искать монашеское поселение в горах. Лишь только вышли на нужную дорогу – сразу повстречали самого отца Стефана. Симеон остался со старцем, помогал ему вести хозяйство, но однажды случилось несчастье: собирая спелые плоды с высокого грушевого дерева, он наступил на сухую ветвь, которая подломилась под его тяжестью, и послуш-

ник упал с высоты, повредив себе позвоночник. Братия перенесли Симеона в келью и срочно послали за отцом Стефаном, отлучившимся куда-то. Батюшка вернулся с полдороги и потом около полугода ухаживал за больным, как заботливая нянька. Понимая, что травма была очень серьезна, он отправил послушника в Пятигорск к опытной женщине-костоправу. Шел 1928 год. Многие монахи с Бештау собрались в монастырь, надеясь по-прежнему жить монастырским укладом. Симеон Иудович остался с ними⁶³.

В том же году началась первая пятилетка и свернута НЭП. Развернулась кампания против частного предпринимательства. Церковь рассматривалась как частное предприятие. Началась массовая принудительная коллективизация, насильственная высылка миллионов крепких крестьянских семей в Сибирь и на Север. В начале 1929 года за подписью секретаря ЦК Л.М. Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозная организация оставалась единственной силой, имевшей влияние на массы. Повально закрывались церкви, монастыри. В докладе Е. Ярославского (Губельмана), вождя Союза воинствующих безбожников, отмечался новый религиозный подъем во второй половине 1920-х годов. Он предполагал торжествовать победу безбожия в 1930-е годы⁶⁴.

В 1929 году закрыли скит Покровского монастыря Екатеринодарской епархии «Темные буки», где начинала свою монашескую жизнь мать Сергия (Клименко), окончательно закрыли монастырь на Бештау, арестовали насельников. Вместе с ними попал в тюрьму и Симеон Иудович. Правда, в заключении он находился всего несколько дней, его скоро отпустили по хлопотам родственников. Прекратилось недолгое бытие кавказского светильника веры – Второ-Афонского Успенского монастыря на горе Бештау под Пятигорском. В конце 1920-х годов в братском корпусе монастыря располагался санаторий для инвалидов. В 1930-е годы в Успенском храме находилось Общество пролетарского туризма и экскурсий. Перед началом Великой Отечественной войны в бывшей обители разместили детский дом для детей, вывезенных из Испании. Полностью разрушили монастырь в 1950-е годы⁶⁵.

29 апреля 1930 года в пустыни Псху и Цебельды прибыли объездчики и кнутах выгнали из келий пустынников. Отшельники, которых было около ста человек, шли с пением псалмов и благодарили Бога за испытание. Группу монахов, около полутора сотен, по дороге просто расстреляли. Стариков, больных либо пристреливали, либо они умирали сами от изнеможения. Молодые несли стариков на руках, если хватало сил. Монахов отлавливали в горах, как диких зверей, и вначале собирали на пересылочном пункте. Пересылка была устроена в бывшем Драндском монастыре.

Иеромонах Стефан (Игнатенко). 1920–1930-е годы

Предупреждая свое духовное чадо, монахиню Сергию, об уходе из Лат, небольшого селения на реке Кодор на границе Сванетии и Абхазии, старец передал ей письмо. В начале 1929 года он перешел в пустынь близ села Георгиевское Цебельдинского района, где его и арестовали вместе с другими монашествующими 6 мая 1930 года по обвинению по статье 58/21 УК ССРГ, т.е. в ведении религиозной пропаганды⁶⁶. На допросе иеромонах Стефан (Игнатенко) держался очень спокойно, с достоинством и вместе смирением отвечал на вопросы. Так, спрошенный о своем признании в сочувствии царской, а не советской власти, он отвечал: «Сочувствую царской власти потому, что она не вмешивалась в наши религиозные дела, а наоборот, помогала нам в строительстве храмов и монастырей, и при том лично нас, монашествующих, не притесняла, а советская власть не дает нам действовать, благодаря нашим религиозным убеждениям, то есть не дает нам возможности быть нам (в оригинале – авт.) монахами, христианами, за что гонят нас из монастырей, пустынь, то есть, гор и лесов, и лишает нас средств к существованию, то есть арестовывают нас, имущество наше конфисковывают. Но я должен сказать, что каким бы гонениям, репрессиям и лишениям со стороны настоящей власти не подвергался, но от монашества я не отойду, так как я твердо верю в Священное Писание, которое говорит, что всякое отступление от Бога будет означать то, что отказаться нужно от Царствия Небесного. Я же, как человек верующий в загробную жизнь, от Священного Писания отступить не могу. Придерживаюсь я старо-церковнической тихоновской ориентации. Когда я был в Успенском монастыре и совершал как священник церковные богослужения, то я поминал царя Николая, как усопшего раба Божьего и желал ему, чтобы он попал в Царствие Небесное, но с 1927 года я помянуть царя прекратил, так как нашел, что это для меня не обязательно». Так же твердо держался на допросе один из братьев отца Стефана, молодой двадцатидвухлетний монах Успенского Второ-Афонского мужского монастыря Серафим (Дмитрий Михайлович Фетисов): «Советской власти я не сочувствую, потому что при ней, то есть, при советской власти, я не могу пройти по городу в монашеском костюме, так как меня сразу ловят на улице и сажают в темницу. Спрашивается, за что? Ответ ясен. За то, что я – монах, за то, что я – православный христианин, за то, что я молюсь Богу и исполняю свой монашеский обет, данный мною Богу перед пострижением меня в монахи. От других монашествующих я слышал, что монархическая власть, а также и власть Деникина и другие монашествующих не притесняли и на улицах нас не ловили и не арестовывали. Советская же власть все это делает. Если

бы был устроен крестовый поход духовенством на СССР, то я с оружием в руках к походу не примкнул бы лишь потому, что я – монах и мне известно то, что монаху в политику вмешиваться не полагается. Приминая я к Святой, Апостольской Восточно-кафолической ориентации, потому что эта ориентация не изменяет до скончания века своих догматов. [На обновленцев, автокефалистов и других] смотрю (на них) как на отщепенцев от ветви православной. За своими молитвами главным образом поминаю патриарха Тихона, митрополита Петра Крутицкого и Серафима епископа Бакинского и Прикаспийского, но митрополита Сергия не поминаю. От монашеской среды я не откажусь и не думал отказываться, хотя бы мне за это и пришлось пострадать». Нужно отметить, что из тридцати пяти монахов, арестованных в пустыни близ села Георгиевского, лишь один объявил на допросе, что хранение верности монашескому обету даже до смерти является фанатизмом. Отцы поистине были исповедниками православной веры⁶⁷.

В Сухуме пустынников поделили на две группы. Один этап пешком погнали в Тифлис (Тбилиси). Без особых крепких башмаков из буйволиной кожи (постолов) на каменистой дороге монахи в кровь стирали ноги. Вторую партию арестованных отправили в Новороссийск и большую часть казнили. По преданию, многих погрузили на баржи и потопили в море⁶⁸.

Монахиня Сергия после закрытия «Темных буков» надеялась найти в горах отца Стефана, но заболела и слегла с обострением туберкулеза. Она вспоминала печальную картину: плывшие по морю тяжело нагруженные баржи, переполненные арестованными монахами.

Этап, в который попал отец Стефан, выслали из Абхазии и направили в Тифлис⁶⁹. Вначале батюшку осудили и поместили в Исправдом сроком на три года со дня ареста⁷⁰. В Тифлисе власти образовали трудовую колонию-лагерь, так называемый Совхоз № 1 Закавказского ГПУ Грузии⁷¹, из прибывших монахов. В мае 1932 года наступил срок освобождения, однако заключенных Исправдома не торопились освобождать, опасаясь бунта монашествующих из Совхоза. Наиболее старых, немощных освободили, а остальным добавили еще по три года работы в Совхозе № 1, объясняя необходимость задержания тем, что заключенные находили возможности для общения с верующими тихоновского направления, а значит, занимались религиозной пропагандой. В их число попал и батюшка Стефан⁷². Один из влиятельных сотрудников ОГПУ-НКВД, впоследствии – заместитель министра НКВД Грузии, Борис Николаевич Колонтаров, после бесед с батюшкой Стефаном особенно расположился к нему. Он сам и его жена, отличавшаяся редкой красотой и изяществом, дочь бывшего вице-губернатора Тифлиса, Вера Ильинична Ермакова, были верующими людьми и в мутные послереволюционные годы страдали без духовного руководства. Супруги нашли возможность внести крупную сумму денег и освободить покорившего их сердца смиренного, молчаливого, мудрого иеромонаха. Вначале они прятали батюшку у себя на даче в качестве сторожа⁷³. Затем некоторое время отец Стефан скрывался у монахинь из Дидубийского поселка, Анны (в схиме Иунии) и Мариам (в схиме Марфы)⁷⁴. Квартира Мариам находилась недалеко от Сионского собора в Тифлисе.

В середине 1930-х годов Татьяна Ивановна Клименко нечаянно во время учебы в Московском медицинском институте встретила бывшего послушника батюшки Стефана, Филиппа Антоновича Федоренко, с письмом которого некогда впервые пришла в монастырь на Бештау. Узнав у него адрес дорогого старца, мать Сергия возобновила с духовником переписку. В одном из писем иеромонах Стефан предостерегал ее от участия в новейшем церковном расколе против митрополита Сергия (Страгородского). Считая его законным главой Русской Православной Церкви, батюшка с болью наблюдал, как раздирался хитон Христов ревновавшими о Церкви. «Грех раскола, – предупреждал он свое духовное чадо, – не смывается даже мученической кровью». Действительно, в 1929 году матушка Сергия ушла в раскол, не желая признать митрополита Сергия. «Отломившись от древа жизни... внутренне высохла, омертвела,

и только по заступничеству Пресвятой, Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно церкви», – писала она много лет спустя⁷⁵.

К.С. Родионов побывал у старцев в пустыни «Глубокой» в высокогорной долине Псху в 1928 году после появления известного Послания митрополита Сергия 1927 года. Монахи при нем обсуждали этот документ. Они приняли его настороженно, но послушно. Отцы вспоминали случаи открытого сопротивления Святой Церкви государственной власти, когда власть явно нарушала Закон Христов. Так, они приводили в пример святого митрополита Филиппа, преподобного Нила Сорского. Старцы Псху соборно решили, что выступление церкви возможно лишь против незаконных и преступных действий конкретных лиц, но не против исторически складывающихся государственных структур. Святая Церковь никогда не становилась и не должна становиться на путь революционной борьбы с государством. В России послереволюционной такая борьба стала бы контрреволюционной, вызвала бы новые кровавые потоки и новое ответное безумство страстей⁷⁶. Епископ Алипий вспоминал, что благодаря отцу Стефану у него выработалось глубоко уважительное отношение к патриарху Сергию^{77,78}.

Спровоцировав разделение, власть вначале нанесла удар наиболее бескомпромиссным и твердым членам церкви. Первая волна гонений 1929-1932 годов пришлось, в основном, на сельские храмы и удаленные монастыри. Вторая пятилетка, 1932-1937 годы, была объявлена пятилеткой уничтожения религии. Закрывались оставшиеся обители, начались преследования верующих в городах. Вторая волна наступления на церковь пришлось на 1932-1934 годы. К 1934 году не оставалось ни одного монастыря. В 1936-1938 годы третий вал гонений обрушился на церковный народ. Справившись с наиболее последовательными и крепкими в стоянии за церковь, взялись за тех, кто поддерживал митрополита Сергия (Страгородского), и даже за обновленцев. Верующих уничтожали поэтапно.

Вероятно, имея глубокое духовное рассуждение и понимание происходившего, скорбя о раздирании ризы Христовой, иеромонах Стефан (Игнатенко) не поддерживал тех, кто отошел от митрополита Сергия. Он чувствовал, что те, кто сеяли злобные семена раздора внутри церкви и радостно наблюдали самоубийственные расколы, – при первой возможности по очереди расправлялись как со своими противниками, так и со своими сторонниками. Мудрость отношения кавказских старцев к митрополиту Сергию ныне подтверждают опубликованные секретные протоколы заседаний ЦК 1926 года. «№ 66 <...> 11.11.25. <...> Постановили:

Поручить т. Тучкову ускорить проведение намечившегося раскола среди тихоновцев», «№ 72 <...> 1926 г. <...> Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом...»⁷⁹.

Старец Стефан пробыл в Грузии до 1937 года. Вернувшись, он остановился во Владикавказе, где вскоре его нашел и присоединился к нему, приехав из Абхазии, Симеон Иудович. Батюшка пробовал изменить место своего жительства, даже купил для этого домик в Горячеводске, где жил с 1943 по 1947 год. Духовные чада старались поддерживать его материально, но монахине Серафиме, которая остро нуждалась, отец Стефан помогал сам. В апреле 1948 года старец с Симеоном Иудовичем вернулись во Владикавказ. Ему хотелось остаться в Пятигорске, но по болезни сердца он не смог осуществить свое намерение из-за неподходящих климатических условий⁸⁰.

После встречи 4 сентября 1943 года Сталина с ведущими иерархами Русской Церкви верующим было сделано временное послабление⁸¹. Открывались приходы, священников не хватало. Многим из тех, кто скрывался, было позволено вернуться к служению. В те годы архиепископом Ставропольским и Бакинским был назначен будущий митрополит, тогда архиепископ, Антоний (Романовский), человек редкой доброты и деликатности, верный и стойкий

служитель Церкви, сторонник и почитатель монашества, сам проводивший подвижническую жизнь. Владыка прошел через тюрьмы, ссылки, лагеря, поэтому, насколько это было возможно, старался помочь бывшим ссыльным монахам. Его епархия была под наблюдением восьми уполномоченных представителей от советской власти. Когда кто-то из них изгонял несимпатичного лично либо особенно ревностного священника, архиепископ Антоний направлял изгнанного к другому, к третьему – «играл, как на клавишах». Владыка принял отца Стефана и в 1949 году приписал его к клиру Ставропольской епархии. Желая оградить батюшку от излишнего внимания властей и мирской суеты, старался направлять его в удаленные, глухие станицы. Постоянного прихода у иеромонаха Стефана не было, он считался командировочным священником. Так, он служил в Крестовоздвиженском храме г. Кисловодска, сослужил или по необходимости замещал почитаемого на Кавказе подвижника иеромонаха Иоасафа (Будилева) в станице Архонская, где впервые увидел старца Стефана будущий архимандрит Матфей (Мормыль). В 1950 году батюшка обучал молоденького священника отца Иоанна (Глущенко) во время Страстной и Пасхальной седмиц. Будучи тогда двенадцатилетним мальчиком, отец Матфей пономарил во время служб, которые вел отец Стефан. Служение старца навсегда запечатлелось в сердце маленького пономаря как благоговейное предстояние перед Живым Богом. Отец Матфей вспоминал, что иеромонаха Стефана все любили, он везде создавал вокруг себя мир Христов. Станица Архонская отличалась дивной тишиной. Приезжая туда время от времени, батюшка останавливался в доме семьи Мормылей, в особой келейке. В ней он вычитывал свое монашеское правило, а потом выходил на веранду и безмолвно перебирал четки. Бабушка будущего архимандрита всегда старалась угодить чтимому старцу и, приготовив салат из овощей, посылала внука к отцу Стефану. Батюшка кушал только огурцы, остальное возвращал, чем доставлял мальчику большое удовольствие, потому что любимые им помидоры все доставались ему^{82,83}.

В 1949 году иеромонах Стефан проходил курс лечения печени, катара желудка и сердечных недугов в Кисловодске, но ощутимых положительных изменений не было. Организм был подорван окончательно⁸⁴. Долгое время родные считали старца Стефана погибшим. Сестра его отца, Ксения Давидовна, совершила заочное отпевание и поминала его как усопшего. После войны батюшка сумел отыскать своего старшего брата Василия в Нальчике. Между ними состоялся серьезный откровенный разговор. Василий непримиримо отрицал веру в Бога, был убежденным коммунистом. В конце беседы отец Стефан обещал брату никогда более его не беспокоить. Впоследствии он не только не возобновлял общения, но даже не поминал Василия на проскомидии. Видимо, отступление брата от Бога было решительным и бесповоротным. В 1955 - 1956 годах старец встретился с дочерью Ксении Давидовны, Евгенией Павловной, в Баксанской станице. С семьей своей двоюродной сестры отец Стефан с близился и был дружен до самой кончины⁸⁵. Мать Сергия договаривалась о встрече со старцем в Кисловодске в 1945 году, но встреча не состоялась. Во Владикавказе отец Стефан продолжал духовно окормлять жителей Северного Кавказа. Он всегда старался помочь бедствовавшим монахам. Так, в середине 1950-х годов батюшка устроил в доме будущей жены отца Владимира Знаменского двух монахинь – схимонахиню Митрофанию и монахиню Антонию⁸⁶. Монахиня Сергия (Клименко) вспоминала: «Необыкновенная сдержанность была его главной чертой. Он был также необыкновенный бесребреник. Помню такую сцену: я была на беседе у батюшки. Пришел один монах и, ничего не сказав, сел. Батюшка помолчал. Они молча друг на друга посмотрели. Отец Стефан открыл шкафчик и, достав какое-то кушанье, дал его пришедшему. Тот взял молча и ушел, а у самого батюшки ничего не осталось»⁸⁷.

В 1950 году иеромонах Стефан (Игнатенко) был награжден архиепископом Антонием (Романовским) наперсным золотым крестом⁸⁸. Управляющий епархией отзывался о священнике как о простом, смиренном, кротком монахе трезвого и безупречного поведения. Отец

Матфей говорил, что к старцу часто приходили с обысками, но его смиренная кротость, невыразимая тихость Христова так покоряли всех, что ни в одном человеке он не вызывал враждебного чувства⁸⁹.

Иеромонах Стефан (Игнатенко). 1940-1950-е годы

В начале 1950-х годов протоиерей Филипп Устименко из Пятигорска учился в Ставропольской семинарии. Во время своей учебы он познакомился во Владикавказе с батюшкой Стефаном. О. Филипп вспоминал, как «приехал в Ставропольскую духовную семинарию из глухого, пустынного, высокогорного села Псху в 1949 году. «В семинарии я встретился с выходцами из осетинского города Дзауджикау, как тогда назывался Владикавказ, столица Осетии. Не могу сказать точно, в тот же год или на следующий, мой друг-осетин Вадим Цаликов, ныне заслуженный протоиерей, пригласил меня к себе домой провести зимние каникулы. Естественно, Рождественские праздники мы проводили в храме, принимая участие в пении, чтении и других практических занятиях. Храм был посвящен святому пророку Илие. Настоятелем храма был отец Григорий Гончаров, а помогал ему отец Стефан. Познакомившись с батюшкой, я узнал, что иеромонах Стефан вместе с несколькими собратиями-монахами, такими, как отец Херувим, некоторое время подвизались в посте и молитве в моем родном селе Псху. Почему-то я приглянулся отцу Стефану, и он подарил мне книги, которые в те времена было трудно достать. Купить их я не мог, поскольку был в очень стесненных денежных обстоятельствах. Некоторые из них сохранились у меня до сих пор: Требник Елизаветинского времени, Службы на Светлую седмицу, Иерейский молитвослов. После того времени я не видел отца Стефана очень долго»⁹⁰.

1950-1960-е годы были тяжелым временем обострения гонений на церковь. «С 1949 года наблюдается осторожное сокращение количества действующих храмов. Рост их числа, начавшийся в 1955 году, был незначительным и закончился в 1957 году. С 1959 года начинается массовое закрытие и храмов, и монастырей, и семинарий»⁹¹. Надвигалась «хрущевская оттепель». Новая волна религиозных преследований пришла на 1960-1962 годы. Особенно пострадали при Хрущеве монастыри.

Архимандрит Иоанн (Мирошников) – справа. 1950-е годы

В те годы в Пятигорске служил бывший настоятель обители на Бештау схиархимандрит Иоанн (Мирошников). В Пятигорск вернулся игумен Паламон (бывший иеромонах Успенского монастыря, в схиме Пафнутий) и архимандрит Савва, некогда регент обители на Бештау. В условиях новых гонений отцы бывшей Успенской обители на Бештау стремились собраться вместе, чтобы иметь возможность исповедаться друг у друга, получить взаимную поддержку в трудную минуту. После смерти отца Иоанна (Мирошникова) в 1956 году отцы Савва и Пафнутий стали обращаться к батюшке Стефану. В 1953 году старец был уволен за штат как

пенсионер по болезни⁹². В 1956 году знакомые предложили старцу вместе с его келейником Симеоном Иудовичем переселиться из Владикавказа в Кисловодск. Город им нравился, и, что удивительно, учитывая тяжелое заболевание сердца отца Стефана, ему подошли климатические условия Кисловодска. Решили перебираться. Хозяева дома во Владикавказе, Ирина Никитична и Андрей Петрович Гуняевы, настолько полюбили своих жильцов, что не допускали мысли о разлуке с ними. По их неотступным просьбам, батюшка благословил переезжать всем вместе.

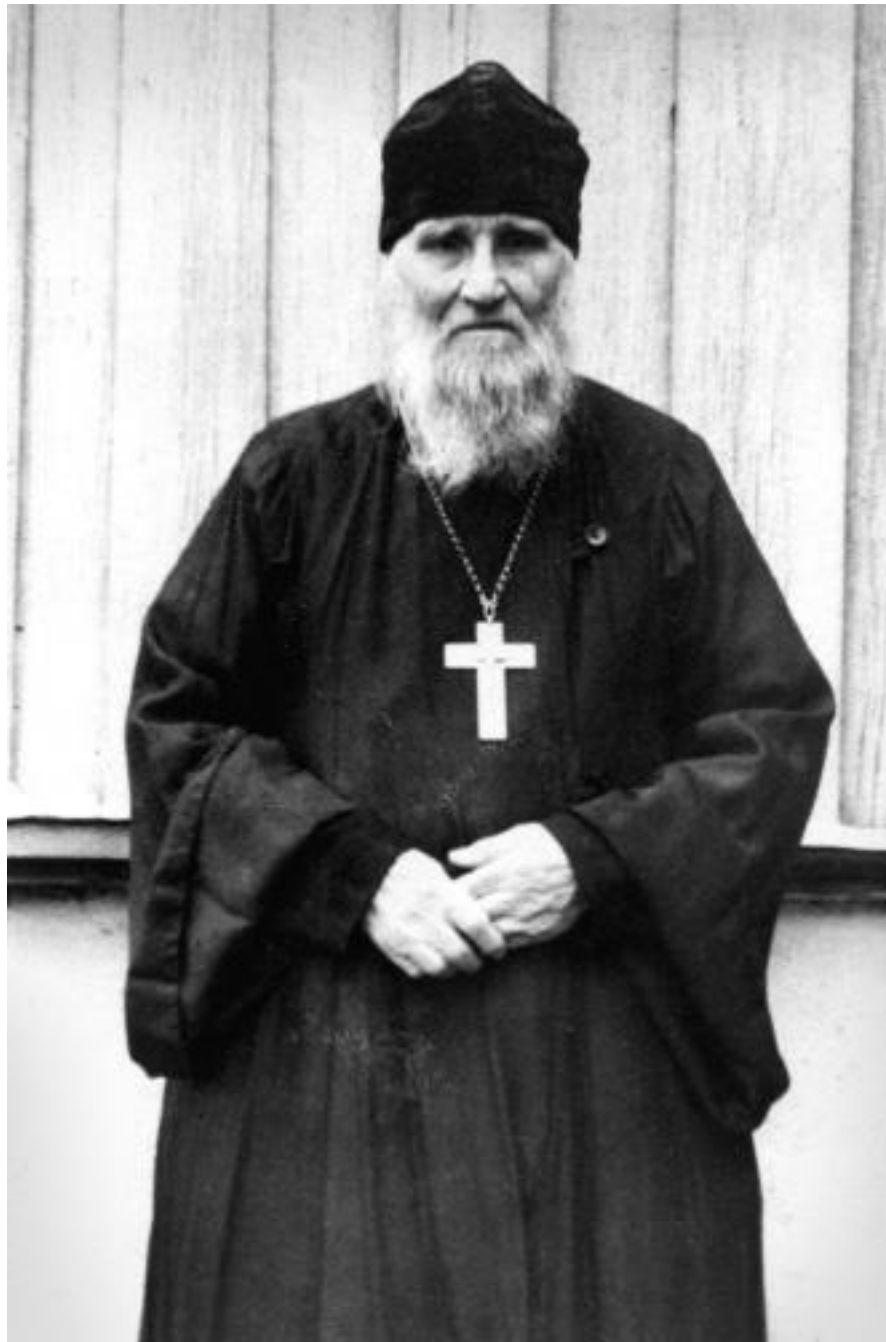
Схиигумен Пафнутий. 1960-е годы

Нашли подходящий беленький, маленький, но вместительный, домик с голубыми ставнями на самой окраине Кисловодска у подножия Кабан-горы. При доме был сад и огород. Дом окружал беленый оштукатуренный заборчик. Крошечную калитку покрывал небольшой, окрашенный в голубой цвет навес. От калитки к келейке батюшки вела узенькая дорожка. Домик утопал весной в белоснежном облаке цветущих вишен. Комната старца была в два окошка, обстановка в ней – пустынночески-простая: небольшой шкаф с книгами, походная кровать,

застеленная серым ватным одеялом, простые домотканые коврики на полу и на стене. Во дворе – море цветов, которые отец Стефан очень любил. Особенно запоминались пышные шапки остро пахнущих фиолетовых флоксов и яркие звезды разноцветных георгинов. Казалось, попадая во двор батюшкина домика, попадали в преддверие рая.

Ирина Никитична специально старалась подыскать удобную планировку, с покойной отдельной кельей для отцов. Продали дом во Владикавказе. Прописаться в Кисловодске было очень трудно, но помогли супруги Сачковы, Агафья Федоровна и Максим Павлович, служивший начальником Кисловодского УВД. Пока хозяева заканчивали свои дела во Владикавказе, отец Стефан с Симеоном Иудовичем переехали в Кисловодск и стали устраиваться. По простоте Симеон открыл дверцу большой деревянной клетки с хозяйскими курами. В незнакомом месте птицы быстро потеряли ориентацию и убежали в горы. Приехавших хозяев ждала большая скорбь: они лишились птичника. Долго Ирина Никитична не могла успокоиться, волновалась, ворчала, упрекая отцов в неосторожности: «Батюшка, что же Вы сделали! Всех кур выпустили!» Поскорбев со старушкой, отец Стефан обещал ей, что святитель Николай соберет ее курочек. Всю ночь после трагикомичного происшествия в келье отцов горел свет: молились. Утром хозяйка растерянно обнаружила во дворе сбежавшихся птиц. Кинулась к отцу Стефану, – тот, пряча улыбку, ласково встретил ее: «Вот, святитель Николай собрал твоих курочек...» Андрей Петрович скончался в 1956 году, вскоре после переезда⁹³. До самой смерти старец жил в Кисловодске, хотя по необходимости выезжал то во Владикавказ, то в Тифлис.

Об одном эпизоде в Тифлисе рассказывал старец Иоанн Мешалкин. Как-то они с отцом Стефаном оказались вместе в городе. Батюшка попросил отца Иоанна причастить жену знакомого военного. Горячий, вспыльчивый отец Иоанн, тогда еще иерей, резко возразил: «Ох, батюшка, не хочу я причащать этих блудниц!». Долго молчал иеромонах Стефан. Затем, склонив голову на руки, с глубокой печалью, протяжно, тихо, с глубоким внутренним смирением ответил: «Господь разбойника на кресте простил, Господь блудницу простил, Господь всех кающихся прощает, а отец Иоанн не хочет простить...» Потрясенный отец Иоанн немедленно вскочил: «Батюшка, простите, сейчас бегу причащать!»⁹⁴

Протоиерей Иоанн Мешалкин

В Кисловодске старец помогал служить и исповедовать в храме во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. Несмотря на то, что ему перевалило за седьмой десяток, отец Стефан пешком ходил в церковь. На обратном пути послушники старались поймать ему такси. Часто, видя тихо идущего старца, водители, любившие его, специально останавливали автобусы в неуказанных местах^{95,96}. Матушка Сергия вспоминала, что некоторые молодые священники не всегда почтительно относились к старцу. Официально он не состоял в причте Пантелеимоновского храма, но случалось, что, невзирая на его преклонный возраст, болезненность, ему приходилось помогать сверх своих сил. «Батюшка, не смущаясь, по своему истинному смирению, послушно взял кадило и, несмотря на свою слабость, выполнил все так, как он все делал: благоговейно и спокойно. Какой он сам был особенный, так и служба была особенной по простоте и благоговению»⁹⁷.

Иеромонах Стефан и протоиерей Иоанн Прокопович (справа в центре) с прихожанами. 1950-1960-е годы

Бывало, что он приходил к ранней литургии и его просили исповедовать народ. Старец кротко вставал к аналою и исповедовал до конца поздней литургии. Близкие жалели его: «Батюшка, Вы устали». Отец Стефан мягко улыбался: «Мои батюшки меня любят». Общую исповедь старец проводил полно, но без беседы или проповеди во время нее, затем каждого внимательно слушал. Никогда ничего он не вытягивал из исповедника, ничего не навязывал ему.

*Похороны мужа Ирины Никитичны, Андрея Петровича.
В центре – иеромонах Стефан, справа – иерей Александр Докукин (будущий митрополит Гedeон). 1956 год*

При необходимости мог спросить: «Святые отцы говорят так-то об этом предмете, а как у Вас в семье?» Однако, решив вопрос, стоял твердо: если человек упирался и настаивал на своей воле, отвечал: «Не на пользу»⁹⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.